

глашает единство этого звука с [ы], а транскрибирует как когда: то [вóл'на] и [плáвна], то [вил'ич'áвыйы]²⁴. Л. В. Щерба приравняет этот звук к а: (ср. фпадлуннам мире) и пр.²⁵ Так же делает и Л. Р. Зиндер [по полю, аб этам] и другие ученики акад. Щербы. Транскрибируя так, забывают одно очень ценное наблюдение, сделанное знаменитым русским фонетистом: «...В русском языке... заударные слоги являются и психически слабыми слогами, не способными к прояснению (за исключением слогов, имеющих морфологически-синтаксическое значение); все предупредные слоги способны к двоякому произношению — слабому и сильному, расчлененному»²⁶ Следовательно, есть слоги, где редуцированные неспособны к расчлененному, сильному произношению, к прояснению. Это наблюдение сделано Л. В. Щербой.

Выходит, что [ъ] — это [ъ]; не годится приравнивать его ни к [а], ни к [ы]: это особый акустический тип. Но особой фонемой его нельзя объявить: этот звук никогда не встречается в сильной позиции, в независимом положении, никогда сам по себе не служит смысловоразличению (фонематически не противопоставлен другим гласным). Итак, мы попытались стать на ту точку зрения, что фонема — звуковой тип — и только. Оказалось, что даже с этой точки зрения для фонемного анализа необходима помощь морфологии. Есть множество «срединных» звуков, которые легко отнести и к тому и к другому акустическому типу. Акустические типы вообще не отделены перегородками.

Морфологический критерий вводится для того, чтобы быть уверенным, что изучаются именно позиционные изменения того же звука: звук тот же (в принципе!), так как та же морфема; поэтому все его изменения даны не смысловыми, не смысловоразличительными функциями звука, а только позиционными. Морфема — та же; значит, нет влияния семантических разграничений; значит — все изменения звуков имеют чисто фонетический характер. Морфологический критерий в фонологии — это не измена фонетике, а преданнейшая служба ей.

Морфологический критерий — и только он! — позволяет установить позиционные изменения звуков, отделить их от фонемных чередований и, в конце концов, определить «диапазон» каждой фонемы.

Припомним, как был использован морфологический критерий при решении вопроса о фонемном характере «срединных» звуков. Мы искали такого положения данного звука (в составе данной же морфемы, но в разных словах), чтобы он стал в независимую, сильную позицию. Тогда только выяснялась и фонемная природа данного звука. То есть, иначе говоря, мы принуждены были, определяя фонемный характер данного звука, возводить его к основному варианту. Без этого нельзя выяснить, какая это фонема, даже если определять ее как акустический тип: неясен акустический диапазон фонемы. Но если мы самими фактами языка вынуждены были таким способом, при помощи морфологии, определять фонемы, то, очевидно, этот морфологический метод должен быть выдержан последовательно. Фонемный характер данного звука определяется приведением его к той форме, которую дает независимая, сильная позиция.

Все фонологи применяют морфологический критерий. Только одни явно, другие исподволь, одни последовательно, другие нет, одни сознательно, другие вопреки своим теоретическим высказываниям.

²⁴ В. И. Лыткин, указ. соч., стр. 11.

²⁵ Л. В. Щерба, указ. соч., стр. 23.

²⁶ Л. В. Щерба, Опыт лингвистического толкования стихотворений, «Русская речь», 1923, стр. 41—42; ср.: «Когда неударяемое о следует за ударяемым слогом слова, то уподобление его звуку а отнюдь не допускается» (А. И. Ельсин, РФВ, 1891, № 3, пед. отд., стр. 12; ср.: Р. И. Аванесов, Русское литературное произношение, 1950, стр. 33.)